

А. А. Сурдо

**ЖЕНСКИЕ ХАРАКТЕРЫ
В ВОДЕВИЛЯХ «МЕДВЕДЬ» И «ПРЕДЛОЖЕНИЕ»
КАК ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ А. П. ЧЕХОВЫМ
«ЖЕНСКОГО ВОПРОСА»**

Как известно, в 80–90-х гг. XIX в. происходит подъем женского движения в России. Этот период характеризуется борьбой российских женщин за доступ к высшему образованию, профессиональному труду и экономической независимости, за равноправие полов. В данной связи рассмотрим женские характеры в водевилях 1888 г. «Медведь» и «Предложение», в которых средствами иронии и гротеска А. П. Чехов выразил свое отношение к «женскому вопросу».

В «Медведе» на образе Елены Ивановны Поповой, «вдовушки с ямочками на щеках», показано влияние обывательски интерпретируемого понятия эмансипации на характер героини. В завязке пьесы Попова драматизирует свое положение, возводя на пьедестал умершего год назад мужа. Вопреки здравому смыслу она хочет доказать ему свою любовь и преданность, проливая слезы и приказывая дать любимой лошади покойного «лишнюю осьмушку овса». Помещик Смирнов обращается к Поповой с требованием срочно возвратить долг ее супруга. Елена Ивановна готова сделать это послезавтра, когда вернется приказчик. Начинается спор, следует обмен колкостями, что в итоге приводит к вызову на поединок.

Автор характеризует поведение Поповой через реплику Смирнова: «Настоящая женская, турнюрная логика!» [1, с. 84]. Окказиональное выражение добавляет остроты и драматического компонента произведению. Прибегая к понятию «турнюр», Чехов не только иронизирует над женской логикой, но и вводит в диалог детали, раскрывающие как аристократическую манерность Поповой, так и противоречивое отношение к эмансипации ее визави. Диссонанс во взаимодействии полов подчеркивается замечанием Елены Ивановны: «Порядочные люди не говорят так с женщинами» [1, с. 86]; фразой «нестарого помещика»: «Как же прикажете говорить с вами? По-французски, что ли?» [1, с. 86]; ремаркой, характеризующей состояние Смирнова: «Злится и сюсюкает» [1, с. 86].

От спора о деньгах герои переходят к спору о женской и мужской природе, о верности и постоянстве. Смирнов настаивает на том, что женщина

не может быть искренна, верна и постоянна. Попова же утверждает, что это не так, и приводит в пример себя, намеревающуюся «до самой могилы» носить траур, несмотря на то, что покойный муж, «этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал... на каждом шагу» [1, с. 87]. Помещик «презрительным смехом» выражает свое отношение к ее скорби: «Траур!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя в четырех стенах! Еще бы! Это так таинственно, поэтично! <...> Вы погребли себя заживо, однако вот не позабыли напудриться!» [1, с. 88].

Попову задевают эти слова и, «вспыхнув», «задыхаясь от гнева», она «кричит», «назло» кредитору не желает платить и просит «убираться вон», обзывает его, «сжимая кулаки и топая ногами» [1, с. 89]. Он отвечает: «А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру!» [1, с. 89]. «Молодая, мыслящая женщина» [1, с. 87] принимает вызов, но прежде просит показать, как нужно стрелять, что указывает на ее стремление соответствовать той «равноправности», к которой призывает Смирнов. А после его признания в любви поведение вдовы вступает в разлад с ее принципами: она «бросает на стол револьвер», «рвет от злости платок», «кричит» [1, с. 93].

Используя травестированную сюжетную ситуацию, Чехов высмеивает действия женщин, которые зачастую не понимают, чего хотят. Комический эффект создается за счет расхождения слов Поповой с ее поступками. В заключительной сцене героиня отменяет распоряжение о выдаче овса любимцу покойного мужа, освобождая себя от обязательств перед ним, и «продолжительный поцелуй», которым оканчивается ее спор с помещиком Смирновым, указывает на новые отношения между полами. Ценности и нравы меняются с течением времени, однако основные устои общества остаются неизменными и балансируют на грани новшеств, которые диктует социум.

Елена Ивановна старается принять на себя роль безутешной вдовы, но инстинкты и чувства берут верх. Откровенность Григория Степановича по поводу траура вызывает подлинную реакцию негодования, и в порыве гнева Попова выкрикивает в его адрес: «Медведь!». Елена Ивановна изо всех сил держится за образ печальной вдовы, но как только больше нет необходимости доказывать свою любовь покойному мужу, весь спор со Смирновым превращается в шутку. Неуклюжий «медведь» попадает в капкан «поэтического создания». Образ медведя является символом счастливого брака, поэтому не зря Попова сравнивает кредитора с диким зверем, а, оглядываясь

на прошлые неудачные отношения, чувствует: ей нужен такой могущественный и властный мужчина, который займет место хозяина.

Если «шутка в одном действии» «Медведь» развивается от денежного спора к предложению руки и сердца, то «Предложение», наоборот, от намерений заключить брачный союз – к экономическому конфликту. Автор показывает, что не только женщины стали сильнее, но и мужчины – трусливее, изнеженнее. «Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образованна...» [1, с. 96], – размышляет Ломов, что говорит о положительном отношении мужчин к частичной эмансипации женщин. Все герои желают, чтобы предложение состоялось: Наталье Степановне 25 лет, Ивану Васильевичу – «уже 35 лет – возраст, так сказать, критический» [1, с. 96], а Степан Степанович устал от дочери, которая любит споры, поэтому, узнав, что Ломов приехал делать предложение, Чубуков радуется.

Чехов не просто иронизирует над Натальей Степановной, принимающей иносказание в прямом смысле: «Это вы, а папа говорит: поди, там купец за товаром пришел» [1, с. 96], – но доводит образ эмансипированной женщины до гротеска, высмеивая дам, которые хотят эмансипироваться ради споров, тех, кто не готов к полной независимости, а лишь получает удовольствие от дебатов с мужчинами, доказывая не важно что.

Предметом полемики сначала становятся Воловьи Лужки, которые не представляют ценности ни для одной из сторон, к тому же, когда герои вступят в брак, то земля станет их общим имуществом. Иван Васильевич мог бы уступить невесте, этому же примеру мог последовать и Степан Степанович, зная о намерениях соседа, но ему проще согласиться с дочерью, чем вступать с ней в спор. В результате Чубуковы выгоняют Ломова. Оставшись вдвоем с дочерью, Степан Степанович продолжает диалог с Натальей Степановной поддерживающими репликами. Однако, узнав от отца, что Ломов собирался сделать предложение, Наталья Степановна в истерике требует вернуть «жениха». Но один глупый спор сменяется другим (об Угадае и Откатае), в котором снова участвует Чубуков, принимая сторону дочери. В конце концов, Степан Степанович берет на себя инициативу выдать сварливую дочь замуж, пока Ломов не передумал или, еще хуже, не умер. Чубуков торопит молодых противоречивым «добрым напутствием» с отсылкой к лешему и черту.

Чехов смеется над природой героев, которым не свойственны рациональность и рассудительность. Водевиль насыщен ссорами, доходящими до абсурда. Действительно, «у Чехова сами характеры героев становятся

тем главным непреодолимым препятствием, которое не дает осуществиться задуманному» [2, с. 109].

Обратившись в конце 80-х гг. XIX в. к художественному осмыслению мотивов поведения женщины в водевилях «Медведь» и «Предложение», Чехов-драматург юмористическими средствами создает яркие, противоречивые женские характеры, прорисовывая их с удивительной выразительностью и искрометной иронией. «Идейный тупик» и отсутствие четкого мировоззрения, в которых оказываются его героини, свойственны многим людям, что тонко и искусно подмечает автор. Он играет с понятием эмансипации женщин, показывая на примере своих героинь, что подобные мелочные споры, соперничество с мужчинами во всех сферах жизни не приводят к хорошему и лишают настоящего счастья. Оба водевиля предостерегают не тратить силы на пустые конфликты в то время, когда «женский вопрос» – широкое понятие, включающее не только взаимоотношения мужчин и женщин, но и такие важные аспекты жизни общества, как образование, воспитание, самостоятельность.

В образах чеховских персонажей-женщин остается нечто недосказанное, и это побуждает читателей, критиков, исследователей размышлять и спорить.

Литература

1. Чехов, А. П. Собр. соч.: в 8 т. / А. П. Чехов. – Москва: Правда, 1970. – Т. 7. – 448 с.
2. Щербакова, И. А. Своеобразие драматического действия в водевилях А. П. Чехова [Электронный ресурс] / И. А. Щербакова // Вестник ТППУ. – 2011. – № 7. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/svoeobrazie-dramaticheskogo-deystviya-v-vodevilyah-a-p-chehova>. – Дата доступа: 10.04.2019.